

История философии 75 Людвиг Витгенштейн.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Он учился в Англии в 1912 году и, по сути, провел свою философскую карьеру в Англии, хотя на протяжении примерно 20 лет он возвращался в Австрию и оставался там. На этом этапе я хотел бы обратиться к Витгенштейну; однако, возвращаясь к тому, что мы говорили о Бертроне Расселе. Рассел, в преемственности с эмпиристами XIX века, в частности с Джоном Стюартом Миллем, и их внимание к эмпирикам XIX века, в частности к объективному эмпирическому научному знанию, выраженному в гипотетико-дедуктивном методе, то есть к научным объяснениям, имеет структуру дедуктивной системы, основанной, в качестве своих предпосылок, на широких общих гипотезах.

Таким образом, гипотетико-дедуктивный метод, который у Рассела проявляется в его логическом атомизме, — это его попытки проанализировать то, что мы якобы знаем, на логические составляющие и организовать эти логические составляющие в дедуктивную систему, приводя необходимые посылки в качестве гипотез. Таким образом, гипотетико-дедуктивный метод и, конечно же, универсальное распространение этого научного метода. И мы видели, как это происходит у Рассела, поскольку он хочет, чтобы этот метод стал методом всей философии, всего человеческого знания, всей науки.

Другими словами, это движение философии XIX века в сторону философии Рассела начала XX века представляет собой так называемый сциентизм, который считает научный метод единственно приемлемым способом получения достоверных знаний. Именно такой сциентизм. И именно он проявляется в работах Витгенштейна, и я должен добавить, что это ранний Витгенштейн, Витгенштейн из «Логико- философского трактата».

Поздний Витгенштейн, представленный своей книгой «Философские исследования», отличается от остальных, и мы рассмотрим его на следующей неделе. Но ранний Витгенштейн в этом отношении следует за Расселом, как и логический позитивизм 1930-х и 1940-х годов. Позиция, подобная той, что представляет Эй Джей Айер, хотя он в некоторой степени смягчает обращение к науке и гипотетико-дедуктивному методу.

Хорошо, запомните эту структуру. И позвольте мне изложить вам общую концепцию Витгенштейна, которую я хотел бы прокомментировать, а именно некоторые моменты из его «Логико-философского трактата». Одна из интересных вещей, и я отсылаю вас к ней через несколько минут, заключается в том, что Рассел написал предисловие к «Логико-философскому трактату».

И независимо от того, было ли это намерением Витгенштейна, во введении Рассела, кажется, говорится, что Витгенштейн делает то, к чему сам Рассел стремился в своей «Логической атомистии». На самом деле, в предисловии Рассел говорит, что книга начинается с взаимосвязи между словами и вещами. И эта взаимосвязь показывает, как традиционная философия возникает из невежества и неправильного использования языка.

Это тема, которая проходит красной нитью через позитивистов, через Витгенштейна, как раннего, так и позднего, и с которой Рассел, безусловно, согласен. вспомните, что его работа называлась «Мистицизм и логика», и в ней он критиковал идеалистов. Рассел продолжает, говоря, что из-за неправильного использования языка нам нужен идеальный язык.

Не настоящий язык, не какой-либо обычный язык, а идеальный язык, в котором каждое имя, каждое существительное обозначает только один факт, так что ни одно слово никогда не может быть использовано для обозначения двух разных вещей. Устранить двусмысленность. Устранить двойные ссылки.

Исключите вводящие в заблуждение коннотации. Строго логический язык, в котором атомарные факты описываются аналогичным образом атомарными утверждениями. Вы помните высказывание Рассела на эту тему.

Рассел утверждает, что именно этим и занимается Витгенштейн. Что ж, давайте посмотрим. Витгенштейн в своем предисловии к книге говорит, что это именно то, что он и пишет.

Книга посвящена проблемам философии. Возможно, вам будет трудно определить, в чём именно заключаются эти проблемы, пока вы её читаете, но автор утверждает, что книга посвящена проблемам философии и показывает, что причина возникновения этих проблем заключается в неправильном понимании логики нашего языка. Логика нашего языка.

Что же он подразумевает под логикой в смысле логики языка? Очевидно, он не имеет в виду дедуктивные силлогизмы. Это не логика языка. Он не имеет в виду индуктивное рассуждение.

Это не логика языка. Он имеет в виду логическую структуру языка. Его логическую форму.

В частности, речь идет о форме «субъект-сказуемое». Такая форма «субъект-сказуемое» в предложениях утверждает факты. Понятно? Утверждает факты.

Слова, которые являются знаками, именами, сами по себе ничего не утверждают. Поэтому, если бы я вошёл в комнату и просто сказал:

«коричневый», «дом», ещё несколько отдельных слов, вы бы подумали, что я сумасшедший, потому что я ничего не утверждаю. Я не констатирую факты.

Я всего лишь утверждаю факты. Я не констатирую факты. Но, безусловно, не в этом случае.

Итак, он говорит, что причина, по которой проблемы философии неправильно понимаются, вообще противостоят друг другу, заключается в том, что логика языка, логическое использование языка, неправильно понимается. И поэтому весь смысл этой книги можно суммировать следующими словами, к которым он возвращается на последней странице книги. Всё, что можно сказать, можно сказать ясно.

О том, о чём мы не можем ясно говорить, мы должны молчать. Другими словами, либо говорить, либо молчать. Цель этой книги — обозначить ограничения того, что может сказать язык, и показать нам, как он это делает.

Это книга о логике языка. Теперь, учитывая это, я думаю, вы можете понять, что представляет собой представленный мной план. Числа в левой колонке соответствуют нумерации абзацев в тексте.

Итак, его первое утверждение — 1. Следующее — 1.1. Машинистка написала 1-1 вместо 1.1. Недоразумение, что неудивительно, поскольку это необычный формат. Иногда под таким номером можно получить целый абзац, иногда — только предложение. Похоже, это отражает не только стиль письма, но и стиль преподавания этого человека.

Говорят, он отсеивал всех, кто записывался на его курсы, чтобы осталось полдюжины нужных ему человек. И они встречались в его комнатах в Кембридже, где у профессоров есть собственные жилые помещения. Встречались там, в его комнатах.

Он обычно сидел в кресле с жесткой спинкой, развалившись на двух ногах, положив руки на переднюю часть стула, погруженный в размышления, и произносил какую-нибудь фразу, ожидая, что участники семинара продолжат обсуждение, часто делая долгие паузы в ожидании, пока кто-нибудь вроде Дэвида не заговорит. О загадочном персонаже и о том, как он себя вел, ходит множество историй. Но обратите внимание на то, что он говорил.

Всё это так и есть. Мир — это совокупность фактов, а не вещей. И вот здесь появляется новое различие.

Что он имеет в виду, говоря о фактах и вещах? Факт — это существование определённого положения дел. Понятно? Значит, факт, скорее всего, будет сложным. Могут существовать молекулярные факты.

Атомные факты могут существовать. Есть Рассел. Понятно? Молекулярные факты тоже могут существовать.

Могут существовать атомарные факты. Факт — это существование определённых состояний дел. Состояния дел — это комбинации объектов или вещей.

Таким образом, вещи — это просто составляющие состояний дел. Теперь обратите внимание на то, что происходит. Его мысль заключается в том, что слова дают названия вещам.

Понятно? Слова дают названия вещам. Эти слова дают названия вещам. Слова являются составляющими, хотя нет, вещи являются составляющими составляющих состояний дел.

Факты — это состояния дел. Важно понимать, почему возникает путаница в языке: одно слово может обозначать множество разных вещей. Один из его примеров — «зелёный — это зелёный».

И он указывает, что на первом зеленом поле изображен человек. Назовем его Уильям Грин. На втором зеленом поле изображено поместье.

Он завидует. Понятно? А вот, с другой стороны, он мог бы сказать, что «зелёный» — это название, «зелёный» — это название внутреннего двора университетского кампуса. Или зелёных лугов вдоль реки Кэм в Кембридже.

Зелень. И, возможно, весной кто-то говорит, что зелень — это зелень. Название места.

И чувство качества. Но это всего лишь иллюстрация того факта, что слова могут обозначать разные вещи. Одно и то же слово для разных вещей.

Неоднозначность. Возникает путаница. Философские проблемы возникают из-за такого невнятного использования языка.

Однако, когда он продолжает, мы сами подмечаем факты, изображенные на картинке. Да. Мы представляем себе зеленый цвет как зеленый от зависти.

Или представьте себе зелёную зону в Кембридже как зелёную. Я помню, как гулял по ней. Она зелёная.

Очень зелёное. Пышное. Прямо у реки.

Сразу после окончания Второй мировой войны я служил на базе недалеко от Кембриджа. В выходные мы заходили туда и бродили по территории университета. Так что, в общем, всё было хорошо.

Мы представляем себе факты. Мы делаем это в своем воображении. Мы представляем себе факты.

Картина , то есть ментальное состояние, картина. Картина, это ментальное состояние, является моделью реальности. Это ментальная модель.

Хорошо. Но на картинке есть элементы, которые представляют собой объекты, вещи. Что же происходит на картинке? На картинке изображены вещи или объекты, представленные элементами на ней, посредством которых мы сами себе представляем факты.

Хорошо. Мысленное представление о факте, то есть о положении дел , состоит из элементов этого представления, которые обозначаются словами, соответствующими вещам, составляющим это положение дел. Поэтому необходимо установить эти взаимосвязи.

Вы видите атомарные утверждения Рассела, атомарные пропозиции, соответствующие атомарным состояниям дел, и взаимно однозначное соответствие между элементами одного и элементами другого, на протяжении всего текста. Но помимо того, что картина является ментальной моделью, два, один, четыре, один, сама картина представляет собой состояние дел , факт. Да, это настоящее состояние дел , то, что эта картина существует в моем сознании.

Сама картина — это факт. И тогда должно быть что-то идентичное в картине и в том, что она изображает. Да, между картиной и тем, что она изображает, должно быть какое-то соответствие.

Хорошо. Мысленное представление может состоять из слов, но положение дел, к которому оно относится, не состоит из слов. Какое же сходство существует между мысленным представлением и объективным положением дел ?
Понимаете ? Дело не в том, что они оба состоят из слов.

О, это логическая форма. Нам нужна логическая форма языка, которая может быть идентична логической форме объективных состояний дел. Понятно? Тогда третий пункт, логическая картина фактов, — это, видите ли, мысль.

Логическая картина подобна утверждению. Утверждение выражает мысль, которая может быть воспринята органами чувств. Да, потому что утверждение можно услышать, можно прочитать, будь то простое или сложное утверждение, относящееся к атомарным или молекулярным фактам, в зависимости от случая .

Итак, два момента, касающиеся первого сегмента. Вы видите, как он использует логический анализ Рассела, логический атомизм. Это первый момент.

Вторая теория известна как теория значения Витгенштейна, основанная на образах. Ментальные представления, мысли, — это образы, соответствующие состояниям дел. Теперь, если мы на мгновение задумаемся о природе значения, о природе мысли, о природе значения, то значение может быть просто денотативным, тем, что в логике мы называем расширением, логическим расширением существительного.

Что это обозначает? На какие конкретные вещи, одну или несколько, оно ссылается, на которые распространяется? Таким образом, он почти полностью акцентирует внимание на денотативном значении, экстенциональном значении языка. И поскольку состояния дел кажутся эмпирическими объектами, это становится эмпирической теорией значения. Предшественником которой, конечно же, является Джон Стюарт Милль, что эмпирически обозначает слово «материя»? Постоянную возможность ощущений.

Что эмпирически означает слово «разум»? Постоянная возможность отражений, эмпирическая теория значения. Теория, сформулированная Дэвидом Юмом обо всех фактах, утверждениях, интересно, одно и то же слово, факт, факт. Что такое факт, факт, положение дел ? Ну, если вы не можете, то, по мнению Юма, переведите этот философский язык на язык эмпирических фактов, утверждений, не имеющих отношения к делу, — это бессмысленно.

Помните, как в конце своего исследования он предал его огню? Давайте устроим сожжение этой огромной книги бессмысленной метафизической чепухи. Таким образом, у Витгенштейна мы получаем эмпирическую теорию смысла, такую же, как у Юма, но это эмпирическая теория, такая же, как у Милля, переведенная на язык логического атомизма Рассела и подтвержденная в раннем Витгенштейне. И именно эта эмпирическая теория смысла в логическом позитивизме Энгера проявляется как принцип проверяемости.

Вот что я там написал, принцип проверяемости смысла. Вам следовало бы сейчас читать Айера; некоторые из вас, возможно, уже начали. Первая глава книги Айера «Язык, истина и логика» называется «Устранение метафизики».

На каком основании? На эмпирической теории смысла. Благодаря Расселу и некоторым его континентальным аналогам, Витгенштейну, а также традициям

Милля и Дэвида Юма, произошло исключение метафизики. Антиметафизическое течение эмпиризма XIX века вновь проявляется в позитивизме XX века.

Понятно ли вам это? Теория значения по образцу? Хорошо, давайте разберем вторую половину. Знаки и символы. Возможно, вы привыкли использовать эти два понятия как синонимы.

Он так не считает. И многие семантики тоже. Слово — это знак.

Итак, слово — это знак. Один и тот же знак может быть общим для двух разных символов. Да, видите ли, слово может символизировать, слово может использоваться для обозначения разных вещей.

Слово «зеленый» (green) — этот звук можно использовать для обозначения Билла Грина, и я не придумал это имя. Видите ли, есть Билл Грин, которого я знаю. Это может символизировать зеленый цвет .

Его можно использовать для обозначения состояния, называемого завистью. И, конечно же, его можно использовать для обозначения цвета. Таким образом, один и тот же знак может быть общим для различных символов.

Таким образом, легко возникают самые фундаментальные заблуждения. Философия, добавляет он в скобках, полна ими. Да.

Когда мы немного продвинемся дальше, мы перейдем к проблеме соотношения разума и тела. И к его книге о концепции разума, в которой он предполагает, что именно из-за непонимания логики языка слово «разум» стало использоваться для обозначения сущности, нематериальной части человеческого существа. В то время как логика языка, если ее правильно понимать, такова, что разум просто обозначает определенные функции мозга.

Видите ли , таким образом легко возникает путаница. Чтобы избежать подобных ошибок, мы не должны использовать один и тот же знак для разных символов.

Это очевидно. Нам нужен язык жестов , управляемый логическим синтаксисом. Идеальный язык Рассела.

Да. Для точного занятия философией нам необходима символическая логика. Понимаете, именно она и подтолкнула развитие индустрии символической логики в том виде, в каком она существует сегодня.

И затем 403, большинство утверждений и вопросов, встречающихся в философских трудах, не являются ложными; они просто бессмысленны. В них нет смысла, нет значения. Понимаете?

Под смыслом он подразумевает референт слова. Слово «зелёный» может обозначать различные вещи. Таким образом, бессмысленное использование языка — это использование языка, не имеющего эмпирического референта.

Итак, когда в логическом позитивизме утверждается, что метафизика, метафизический язык бессмысленны, или что-либо, что не проходит проверку на соответствие критерию проверяемости смысла, бессмысленно, вы говорите, что у этого нет референта. У этого нет эмпирического референта. Ничто из того, на что это ссылается, не имеет эмпирической природы.

Итак, если большинство утверждений и вопросов в философии бессмысленны, то какая же задача остается у философии, кроме как молчать? И ответ таков: философия — это критика языка. Анализ использования языка с целью определить, имеют ли они эмпирическое значение, имеют ли они вообще какой-либо смысл.

Если нет, то обозначьте их соответствующим образом. Забудьте о них. Если же они верны, то истинность или ложность этих утверждений можно определить с помощью соответствующих эмпирических наук.

Философия не занимается установлением истинности чего-либо. Если весь смысл эмпиричен, то истинность утверждений — это научный, а не философский вопрос. Таким образом, философия становится, так сказать, коммутатором логики языка, который принимает звонки с вопросом: «Не могли бы вы помочь мне разобраться в этой запутанной теме?» И перенаправляет эти звонки, подключая их к различным наукам.

Функция философии — это просто логика, логика языка. И затем следует, что совокупность истинных утверждений составляет всю естественную науку. Теперь вспомните, что я использовал термин «сциентизм» при введении этого.

Что такое сциентизм? Это точка зрения, согласно которой достойным является только научное знание. Только то, что получено научным методом, может быть проверено научным методом и является достойным и приемлемым. Научный эксклюзивизм, который, очевидно, пропагандируется эмпиристами XIX века, здесь снова в работах раннего Витгенштейна и логических позитивистов.

Понятно? Но вот что важно: философия — это не одна из естественных наук. Она стремится к логическому уточнению мыслей. Она стремится к логическому уточнению; это не свод доктрин, а деятельность.

В последнем предложении можно использовать подчеркивание и так далее. Поэтому, согласно Витгенштейну, больше не следует говорить о чьей-либо философии как о своде доктрин. Не следует говорить о философии Гегеля как о своде доктрин.

Видите ? Вы говорите скорее о людях, которые занимаются философией. Это выражение придумал Витгенштейн, но оно прижилось за пределами круга его последователей, так что вы, вероятно, слышите, как мы в этом отделе говорим вам: «Давайте, займитесь философией. Не говорите об этом просто из вторых рук».

Поймите, нужно проникнуть в мысли этого человека и заняться философией самостоятельно. Философия — это деятельность, основанная на анализе, что бы это ни значило. По крайней мере, это так.

Итак, его мысль заключается в том, что философские положения не отражают реальность. Это делает наука. Наука может рассказать нам только о том, что можно понять и выразить эмпирически проверяемыми способами.

Таким образом, наука не может рассказать вам о метафизических и религиозных вопросах иначе, как исключительно эмпирическими методами. И он говорит, что тогда всё, что вообще можно помыслить, можно помыслить ясно. А о том, что нельзя помыслить ясно, мы должны молчать .

Хорошо. Позвольте мне добавить пару моментов, чтобы показать, как он это применяет. Поскольку он выступает за научный эмпиризм, он также выступает за проблему; очевидно, он столкнется с проблемой индукции.

Проблема заключается в единообразии природы. Именно на утверждении единообразия природы зиждется вся индуктивная логика. Вот что он об этом говорит.

Так называемый закон индукции никак не может быть законом логики, поскольку это, очевидно, осмысленное утверждение. Осмысленное утверждение — это утверждение, которое ссылается на эмпирические данные. Закон индукции, единообразие природы, ссылается на единообразие эмпирических данных.

Значит, это не закон логики. Хорошо. А как же закон причинности, который лежит в основе закона индукции в традиционной философии? Закон причинности — это не закон, а лишь его форма.

Закон причинности — это общее название. В механике существуют минимальные принципы и причинно-следственные законы. В физике существуют причинно-следственные законы.

Закона причинности в общем случае не существует. Это всего лишь пустая форма, в которой участвуют конкретные законы причинности. Таким образом, акцент делается на логической структуре этих законов.

Давайте посмотрим. Чуть дальше. Процедура индукции не имеет логического обоснования.

Вот это уже совсем другая история, как у Дэвида Юма. Но лишь психологическое оправдание. Всё как у Дэвида Юма.

Понимаете ? Да, психологическое обоснование заключается в этой психологически обоснованной вере в причинно-следственную связь, обусловленную постоянными совпадениями, которые формируют наши ожидания. И тогда нет никакого принуждения к тому, чтобы одно произошло только потому, что произошло другое. Нет никакой причинной необходимости.

Единственная существующая необходимость — это логическая необходимость. Например, что А не может быть не-А. Причинной необходимости не существует.

Таким образом, вся современная концепция мира основана на иллюзии, что так называемые законы природы являются объяснением природных явлений. Законы природы не являются объяснением природных явлений. Законы природы — это не законы.

В них нет никакой необходимости. А как же ценности? Моральные ценности? Хорошо. Вот что он говорит о моральных ценностях.

В мире , то есть в мире фактов, эмпирических фактов, в мире всё так, как есть. Всё происходит так, как происходит. В нём не существует никакой ценности.

В мире всё происходит так, как происходит, потому что ценность не является эмпирическим фактом. Она не поддаётся эмпирическому наблюдению. Если и существует какая-либо ценность, обладающая реальной ценностью, то она должна находиться за пределами всей сферы происходящего в мире.

Хорошо? Ценность должна быть чем-то внешним. Она должна находиться вне мира. Поэтому невозможно существование этических теорий.

Что такое утверждение? Утверждение о положении дел. Факты. Эмпирические факты.

Таким образом, не существует этических тезисов, никаких этических тезисов. Тезисы не могут выразить ничего, что было бы выше фактов. Поэтому ясно, что этику нельзя выразить словами.

Что такое этический закон в форме «ты должен»? Когда такой закон изложен, первая мысль, которая приходит в голову, такова: а что, если я не выполню его? Ты должен, а что, если я не выполню? Очевидно, что этика не имеет ничего общего с наказанием и наградой в обычном смысле этих терминов. Поэтому наш вопрос касается последствий действия, и это не имеет значения.

Эти последствия не должны быть просто событиями. Ведь в поставленном нами вопросе должно быть что-то важное. В самом действии должна заключаться некая этическая награда и наказание.

Итак, какова же функция этического языка? Витгенштейн прямо об этом не говорит. Логический позитивист скажет, что этический язык носит чисто эмоциональный характер. Сказать «не укради» — это просто выразить эмоции по поводу поведения каких-то людей, выплеснуть их, прочувствовать, а не констатировать факты.

В утверждениях не существует этических фактов, которые можно было бы зафиксировать. Это приводит нас к эмотивистской теории этики, с которой мы познакомимся у Витгенштейна. Обратите внимание, что у него есть глава об этике и эстетике.

И еще пара заключительных слов. Смерть. Смерть, говорит он, — это не событие в жизни.

Мы живем не для того, чтобы испытать смерть. Поэтому эмпирического знания о смерти не существует. Наша жизнь не имеет конца, так же как и наше поле зрения не имеет границ.

Нет никакой гарантии временного бессмертия человеческой души или выживания после смерти. Это всегда было задумано, или же это какая-то загадка, разгаданная моим выживанием. В таком случае решение загадки жизни лежало бы вне самой жизни, вне пространства и времени, вне несоответствий.

Нет, скорее, решение проблемы жизни и её смысла заключается в исчезновении самой проблемы, потому что со смертью она исчезает. Нет жизни — нет проблемы. Хорошо, тогда, наконец, вот это.

Это заключительная часть. Правильный метод в философии должен быть следующим: не говорить ничего, кроме того, что можно сказать, то есть положений естественных наук, а затем всё, что кто-то другой хотел сказать, чтобы показать, что кто-то не смог придать смысл определённым знакам на своём языке.

О том, о чём мы не можем говорить в эмпирических утверждениях, мы должны умолчать в науке. Конец книги. Ну, вы понимаете ход мысли? Хорошо.

На данном этапе это очень похоже на подход Рассела, очень похоже, за исключением того, что, как мне кажется, в формулировке это на несколько шагов ближе к самому логическому позитивизму. На несколько шагов ближе. Вопросы, комментарии? Джон? Нет.

Да. Мне кажется, на самом деле он говорит о том, что проблема смысла жизни — это эмпирически бессмысленная проблема. Осмысленная проблема — это та, которая задает вопросы, имеющие фактическое значение.

Это не вопросы фактов. В чём смысл жизни? И если вы скажете, что смысл жизни заключается в существовании загробной жизни, в которой всё прояснится, или что-то в этом роде, то вы скажете, что смысл жизни находится вне жизни. Так как же на это можно ответить эмпирическими методами? Интересно отметить, что другие эмпиристы сделали с этим вопросом, который он поднял.

Между двумя учеными, логическими позитивистами, Рудольфом Карнапом и Морицем Шлихом, состоялась дискуссия. Насколько я помню, она проходила в Британском журнале философии науки в 20-х годах, и, кажется, именно Шлих утверждал, что рассуждения о бессмертии будущего состояния эмпирически бессмысленны. Карнап же возражал, что нет, эмпирически значимыми они могут быть только в том случае, если у нас появятся эмпирические данные о будущем.

Далее, понимаете. И Джон Хик, британский философ религии, на одном этапе своих размышлений, пройдя через различные этапы, сейчас находится на совершенно другом этапе, но на одном из этапов, когда он обсуждал значение религиозного языка в эмпирических терминах, он говорил об эсхатологической проверке. Видите ли, Карнап, кажется, утверждал, что вера в бессмертие поддается эсхатологической проверке, поэтому она имеет эмпирическое значение.

Ну, Хик хотел сказать, что христианская вера как таковая способна к эсхатологическому подтверждению, так что в последний день, Джон, ты можешь сказать кому-нибудь: «Эй, я же говорил!» Да, так что, если дать

расширенное определение эмпирическому, то будущий опыт в принципе сможет это объяснить. Хорошо.

Он занимается эстетикой? Много ли он об этом говорит? Да. Думаете, это подтолкнет его к противодействию ей? Да, но я не знаю, что он говорит об эстетике. Есть ли здесь кто-нибудь, кто посещал семинар Витгенштейна и увлекся эстетикой? Вы ведь тоже этим занимались, не так ли? Что он говорит об эстетике? Можете мне помочь? Недавно вышел сборник его фрагментов, включающий комментарии по эстетике.

Я его не читал. Я тоже. Не думаю, что мы обсуждали что-либо из того, что он говорил в своих ранних работах. Это, скорее всего, относится к его более поздним работам, когда он подходит к обыденному языку менее научным языком.

Так что раньше это не было проблемой. Хорошо. Да, тогда позвольте мне сказать вот что о его более поздних работах.

То, что он делал в ранних работах, впоследствии вызывало у него сомнения. «Логико-философский трактат» был опубликован в 1921 году. В 1929 году он покинул Кембридж и бросил философию.

Он не возвращался до 40-х годов. А в 1945 году он опубликовал «Философские исследования». В этой книге он утверждает, что теория смысла, основанная на образах, не имеет ясного смысла.

Именно это его замечание породило критику теории проверяемости с точки зрения самореферентности. А именно, что если утверждение должно быть проверяемым, оно должно быть эмпирически доступным, в то время как теория проверяемости значения не является эмпирически доступной. Поэтому, видите ли, она не проверяема.

И это стало одной из причин падения логического позитивизма. Он также предположил, что мечта Рассела об атомарных предложениях, неделимых единицах мышления, слишком расплывчата. Нет четкого критерия для атомарного предложения.

А представление об идеальном языке слишком искусственно. Он говорит, что такие вещи, как логический язык и символический язык, подобны строевой подготовке солдат на плацу. Они хороши для обучения логической дисциплине, но на поле боя их не используют.

Именно тогда он отказался от сциентизма, пытаясь свести весь осмысленный дискурс к научному, и начал говорить о языковых играх. То есть о многообразии

различных языковых функций, из которых научный тип языка — лишь одна. И я полагаю, что Райан хочет сказать, что эстетический язык может быть понятен именно таким образом.